

ЯКОВ КАНЯВСКИЙ

СКЕЛЕТЫ В ШКАФАХ

КНИГА ВТОРАЯ

Яков Канявский

Скелеты в шкафах. Книга 2

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Канявский Я.

Скелеты в шкафах. Книга 2 / Я. Канявский — Издательство
«Четыре», 2026

ISBN 978-5-908079-77-8

Данный двухтомник является продолжением цикла «Трагический эксперимент» и повествует о некоторых секретных операциях защитников и противников эксперимента. Материалы, используемые в книге, находятся в открытом доступе.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908079-77-8

© Канявский Я., 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

Глава 1. Несогласные	6
Глава 2. Противники	11
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Яков Канявский

Скелеты в шкафах. Книга 2

© Я. Канявский, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

*Большинство революционеров —
потенциальные консерваторы.*
Джордж Оруэлл

*Дьявол начинается с пены на губах ангела,
вступившего в бой за святое дело.*
Григорий Померанц

Глава 1. Несогласные

Мы проводим всю жизнь в борьбе...

Боремся с врагами, боремся со стихией...

Надо хоть с собой жить в мире.

Григорий Горин, сатирик

Во время Гражданской войны Украина представляла собой «лоскутное одеяло» – помимо красных и белых здесь хозяйничали десятки атаманов, порой захватывавших немалые территории.

Дольше всех сопротивлялась советской власти так называемая Холодноярская республика – крестьянско-казацкое «государство» с населением в 30 тысяч человек. Место рождения республики Урочище Холодный Яр находилось на территории Черкасского уезда Киевской губернии. В этих местах, воспетых Тарасом Шевченко, казаки-гайдамаки некогда устроили Колиивщину – кровавое восстание против поляков. Вспомнив о вольных традициях предков, местные крестьяне сперва объединились для охраны Матронинского монастыря, а в апреле 1919 года подняли бунт против советской власти. Возглавил восстание 25-летний **Василий Чучупак** – сын хлебороба из села Мельники, получивший боевой опыт на Первой мировой войне. Ключевую роль в успехе восстания сыграла помощь, оказанная конницей кубанского атамана Уварова, с помощью которого холодноярцы взяли соседний Чигирин. Однако потом им пришлось отступить – к счастью, было куда. Местный ландшафт как нельзя лучше подходил для ведения партизанской войны: густые леса и болота перемежались глубокими оврагами. Укрывались повстанцы в пещерах. Сам Чучупак называл подконтрольные территории не республикой, а «управой». Власть руководимого им и его братьями повстанческого комитета распространялась на 8 многолюдных сёл. От «зелёных» орд Нестора Махно холодноярцев отличала приверженность идеям украинского национализма. Исследователи Пётр Орешкин и Юрий Васильев даже называют эту крестьянскую республику «олицетворением петлюровщины». В тылу красных и белых Холодный Яр признавал над собой власть директории Украинской Народной Республики, но территориально он всегда оставался анклавом. Основная часть Украины в это время последовательно была занята сперва красными, потом белыми, а затем снова красными. По соседству с Холодноярской управой возникли похожие образования, правда, менее долгоживущие – например, Республика Чёрного Леса, Млеевская, Медвинская республики и другие, более мелкие. А главным соперником Чучупака был «красный» атаман Коцур – лидер так называемой «Чигиринской советской республики». В марте 1920 года в армию Холодного Яра влилась Степная дивизия УНР. В том же месяце Василий Чучупак покончил с собой в окрестностях родного села, когда на него напали красноармейцы. В сентябре главным атаманом Холодного Яра стал командир Степной дивизии Константин Пестушко. Впрочем, уже через месяц он сложил полномочия, перебравшись со своей конницей на Екатеринославщину. Разделение сил пагубно сказалось на дальнейших перспективах повстанцев. После окончания Советско-польской войны и отплытия Врангеля на Босфор у большевиков уже не оставалось «внешних» противников, и они приступили к «зачистке» последних очагов сопротивления на Украине. В сентябре 1921 года Холодный Яр мог соединиться с Махно, но «батюку» от казачьей республики отбили красные. После этого за дело взялись чекисты. Часть атаманов они уговорили сдаться, пообещав амнистию (впоследствии сдавшиеся были расстреляны), против оставшихся же провели целую спецоперацию. В сентябре 1922 году сотрудники ЧК организовали в Звенигородке «съезд атаманов», всех участников которого арестовали и доставили в Лукьяновскую тюрьму в Киеве. 2 февраля 1923 года Киевский губернский ревтрибунал вынес нескольким активным деятелям республики смерт-

ный приговор. Однако они не стали дожидаться расстрела. 9 февраля заключённые похитили у охранника оружие и захватили канцелярское помещение тюрьмы. «Четыре часа продолжался бой, но прорваться не удалось, – пишет историк Валентин Шкварец. – Когда кончились патроны, атаманы попросились между собой, стали посреди коридора парами, лицом к лицу, и пустили последние пули друг другу в сердца. Именно так завершили свой последний бой николаевские и холодноярские атаманы». В 2016 году атаманы Холодного Яра и Чёрного Леса были официально реабилитированы. Правящий в Киеве режим признал их «борцами за независимость Украины».

Начало 1930-х годов. Чёрно-белая кинохроника. Большой зал. Сидят сотни молодых людей в одинаковой полувоенной униформе. Входит человек с короткими усиками. Добрые молодцы мгновенно вскакивают, выкидывая вверх правую руку и что-то орут. Не иначе фюрер вошёл в зал мюнхенской пивной. Но нет. Все штурмовики не в коричневых, а в синих рубашках. И орут они не «Хайль Гитлер!», а на чистом русском языке: «Слава Главе!». Это не нацисты, а младороссы, и глава у них не Адольф Гитлер, а **Александр Казем-Бек**. А главный лозунг партии: «Царь и Советы».

«Что за чушь? – возмутится читатель. – И почему до сих пор об этом не писали ни коммунисты, ни либералы?»

Пора наконец разобраться с русской эмиграцией начала XX века. Как нас уверяют историки, в царствование Николая II «Россия вступила в золотой век». Увы, не менее 7 млн подданных проголосовали ногами против «святого царя» и убыли в эмиграцию – в Европу, в Северную и Южную Америку. Но лишь около 100 тыс. эмигрантов – в большинстве офицеров и некоторое число казаков – вошли в состав Русского общевоинского союза. Фактически это была кадрированная армия с корпусами, дивизиями, полками. В Париже дислоцировались командование РОВС и штабы, поддерживавшие связь с рядовыми членами как во Франции, так и в других странах Европы. Систематически раздавались чины и награды.

Цель РОВС в мирное время – террор против советских организаций и граждан в Западной Европе, заброска диверсионных групп в СССР. А в случае начала войны против СССР любой европейской державы РОВС готов был предоставить в её распоряжение 100-тысячную армию. Согласно мобилизационному плану РОВС, в течение первых пяти дней войны только в Югославии и Болгарии должны быть сформированы четыре полноценные дивизии из эмигрантов. Надо ли говорить, что РОВС представлял собой серьёзную угрозу СССР. И ОГПУ-НКВД предпринял все усилия, чтобы её обезвредить. Меры принимались разнообразные: от создания липовых подпольных организаций внутри СССР («Трест» и «Синдикат») до попыток развала РОВС изнутри. Среди руководства РОВС было завербовано несколько генералов. Из них широко известен только генерал-майор Скоблин, поскольку он провалился. Ещё не менее пяти белых генералов на Западе считают советскими агентами – но их не признают (но и не отрекаются официально) в России.

Род Казем-Беков происходил из дербентских татар. Отец нашего героя Лев Александрович Казем-Бек (1876–1932) окончил Пажеский корпус, стал корнетом гвардейского уланского полка. Но быстро перешёл в Министерство земледелия и женился на Надежде Геннадьевне Шпигельберг. 2 февраля 1902 года в Казани у него родился сын, названный по деду Александром.

Двенадцатилетний Саша поступил в Царскосельское реальное училище императора Николая II. Любопытно, что директор училища Эраст Цытович параллельно преподавал математику детям царя – Ольге, Татьяне и Алексею. А также был начальником царскосельских скаутов.

Три года провёл в скаутах и Александр. В этом же отряде скаутов, состоявшем из 100 человек, числился наследник престола Алексей. И реально служил Георгий, сын великого князя Константина. В мае 1917 года Александр Казем-Бек получил звание скаут-мастера.

В марте 1918 года Александр оказывается с семьёй в Кисловодске. Обратим внимание, что тысячи шестнадцатилетних парней воевали в Красной и Белой армиях. Но Александр Казем-Бек в тылу белых пока занимается исключительно скаутскими делами.

Лишь в ноябре 1919 года в Ростове он зачислен в уланский полк. Ему дали командовать маршевым эскадроном, состоявшим из 40 человек, большинство из которых были пленными красноармейцами. Тут Казем-Бек внезапно заболел, а уже 17 января 1920 года на пароходе «Иртыш» вместе с родителями отправился в Константинополь.

Осенью 1917 года эсеры и кадеты в Учредительном собрании получили свыше 60 % голосов. Но в эмиграции таковыми себя считали несколько сотен, максимум несколько тысяч человек. К 1930 году немногочисленные организации эсеров и кадетов превратились в группки по несколько десятков человек.

Подавляющее большинство эмигрантской молодёжи (свыше 95 %) приняли язык и менталитет страны проживания и обустроивали там свою жизнь. Что же касается узкой политизированной прослойки, то они в основном подались в фашисты. В 1920-х годах в Харбине, Иокогаме и Шанхае возникло несколько фашистских партий. В 1923 году в Мюнхене также возникла русская фашистская партия «Молодая Россия». На её учредительном съезде Александр Казем-Бек был избран «главой». В 1925 году партия была переименована в «Союз младороссов».

31 августа (13 сентября) 1924 года великий князь Кирилл Владимирович издал Манифест о принятии им титула Императора Всероссийского.

В манифесте «кобургский император», как его прозвали эмигранты, уповает на Бога и... Красную армию. Нет, я не шучу: «Пусть Русская армия, хотя и называемая красной, но в составе коей большинством являются насильно призванные честные сыны России, скажет решающее слово, встанет на защиту поправленных прав Русского народа и, воскресив исторический Завет – за Веру, Царя и Отечество, восстановит на Руси былой Закон и Порядок».

Идеология младороссов была странным синтезом скаутизма, фашизма, русского национализма и православия. Эта гремучая смесь привела к появлению забавных лозунгов: «Царь и Советы», «Пролетариат будет опорой монархии нового типа!», «Русский царь освободит трудящихся от ига красных и золотых паразитов!» и т. п.

Почему же идеология младороссов была примерно на 80 % воспринята «императором Кириллом»? Во многом от безысходности. Утопающий хватается за соломинку.

Императором Кирилла Владимировича признали немногие. Против него выступило большинство членов семейства Романовых, оказавшихся за границей. Великий князь Николай Николаевич говаривал: «Царь Кирюха – предводитель банды жуликов и пьяниц». Хуже всего было то, что Кирилла не поддержал РОВС.

В 1929 году Казем-Бек и руководство партии младороссов перебираются в Париж. В апреле 1931 года в журнале «Младоросс» был опубликован план построения федеративной либеральной и корпоративной империи:

«1. Природный Царь и Свободные советы.

2. Союзная империя. Полное самоуправление всех областей как с русским, так и с иногородческим населением. Свобода и право всех народов Империи устраивать их внутреннюю жизнь сообразно с их культурными и бытовыми особенностями...

4. Социальный мир. Сотрудничество всех социальных слоёв нации. Преодоление классовой борьбы через упразднение классового начала. Замена классового признака профессиональным.

5. Всенародное примирение. Всеобщая политическая амнистия. Упразднение партий. Отказ от реституции как социальной, так и имущественной».

Обратим внимание на последний пункт. Отказ от реституции – это ножом по горлу беглым помещикам и капиталистам. Даже сейчас, в XXI веке, многие потомки помещиков, деятели РПЦ требуют реституции.

Какое место заняли бы младороссы в империи Кирилла? В начале 1930-х многие из них, не стесняясь, говорили, что хотят быть на положении чернорубашечников в Итальянском королевстве. А Казем-Бек должен стать кем-то типа Муссолини при итальянском короле Викторе-Эммануэле.

Младороссы регулярно с 1930 года устраивали палаточные лагеря вблизи Сен-Бриака – резиденции «императора Кирилла». В 1932 году младороссом с партийным значком № 1 стал его сын – пятнадцатилетний великий князь Владимир Кириллович.

В январе 1934 года Казем-Бек приезжает в Италию. Цель – личная встреча с Муссолини. Однако итальянцы тянули, и встреча с дуче состоялась лишь в мае. Затем последовала аудиенция у папы Пия XI.

Зато пока Казем-Бек скучал в Риме, с ним наладил контакт Лев Гельфанд – секретарь советского посольства. И, разумеется, агент ОГПУ. Многие историки считают, что отцом Гельфанда был сам Александр Парвус (Израиль Гельфанд) – видный социал-демократ и авантюрист, соратник Ленина в эмиграции. Видимо, Лев Гельфанд и завербовал Казем-Бека.

С 1934 года, после посещения Италии, Александр Казем-Бек перестал восхвалять фашизм и занял откровенно просоветскую позицию. В марте 1939 года, когда вермахт оккупировал остатки Чехословакии, Казем-Бек написал в журнале младороссов 26 марта: «Глубоко потрясён нашествием германцев, поработивших славянскую страну... Нападение на Прагу есть нападение на Москву».

С началом войны партия младороссов оказалась в сложном положении. Французские власти и СМИ обвиняли их в сочувствии как немцам, так и большевикам.

Посему Казем-Бек придерживался тактики «малых дел».

Так, в конце 1939 – начале 1940 года Казем-Бек пытался убедить французское правительство разрешить эмигрантам и трудовым мигрантам из Белоруссии и с Украины вступать во французскую армию в качестве «лиц без гражданства». И запретить насильственно мобилизовать их в польские части марионеточного правительства в городке Анжу.

Надо ли говорить, насколько спокойнее было вернуться в БССР и УССР белорусам и украинцам, служившим во французской армии, чем в польской эмигрантской.

В 1941 году Казем-Бек через Испанию уехал в США. С ноября 1942 года он был зачислен в штат OSS (Управление стратегических служб, руководимое генералом Джозефом Donovanом, в 1947 году преобразовано в ЦРУ).

Александр Львович занимается составлением отчётов о различных эмигрантских группах и отдельных персонажах. Часть его отчётов, довольно информативных, позже была опубликована в США. Видимо, его привлекали и к более деликатным мероприятиям.

Примерно в 1954 году Казем-Бек попадает под колпак ФБР. Здесь его рассматривают как советского разведчика. И в 1956 году Казем-Бек, бросив жену Светлану и детей, бежит через Лондон в Швейцарию. Там советские дипломаты добывают ему авиабилет до Праги, а оттуда по железной дороге он прибывает в Москву.

Позже сам Александр Львович писал: «На Киевском вокзале меня встретили по правительственной линии Е. В. Трубицын, а по линии Патриархата – секретарь отдела внешних сношений А. С. Бувельский. Меня доставили в гостиницу „Пекин“, где в правительственном отделе мне было предоставлено прекрасное помещение „люкс“, в котором я и пробыл до января следующего [1957] года».

В октябре 1956 года, гуляя по Москве, Казем-Бек «случайно» встретил на улице своего старого противника по французской эмиграции Льва Дмитриевича Любимова.

Любимов – тоже тёмный персонаж. В 1919 году в 17 лет с семьёй эмигрировал во Францию. В 1927 году посвящён в ложу «Астрея», через два года стал помощником её секретаря. Политический обозреватель газеты «Возрождение» до 1940 года. Причём в «Возрождении» Казем-Бек и младороссы были любимой мишенью Любимова.

В 1940–1944 годах Любимов жил в Париже и сотрудничал с оккупантами. В частности, печатался в пронацистской газете *Je suis partout*, а параллельно посылал информацию в Москву за подписью «Александров». Летом 1945 года в Париже он получил советский паспорт, а 23 ноября 1947 года выслан из Франции за просоветскую деятельность.

В Москве печатался в советских СМИ, писал книги, работал в Славянском комитете. Обычная карьера для советского разведчика-нелегала, вернувшегося на родину.

Любимов потащил Казем-Бека в свою квартиру в Измайлове и представил жене и её дочери Сильвии Цветаевой. Вскоре у 54-летнего Александра Казем-Бека и 17-летней Сильвии начался роман.

16 января 1957 года Казем-Бек получил советский паспорт и переехал в гостиницу «Националь». Ему предложили работать в журнале Московской патриархии с месячным окладом 3000 дореформенных рублей – три инженерных оклада того времени. Кроме того, Александр Львович писал антиамериканские статьи в газету «Правда» и выступал по Московскому радио, что давало дополнительный доход.

Никита Елисеев писал: «Казем-Бек обосновывается в отделе внешних церковных сношений Московской патриархии. Официально – переводчик. Фактически – правая рука и референт митрополита Никодима (Ротова), ведавшего связями с зарубежными церквями. Заранее оплаченные счета в ресторане „Прага“, отличная квартира в центре Москвы, встречи с зарубежными делегациями, вторая жена – и тоже церковным браком. Причём (вот это подпольщик!) первая жена, оставшаяся в США, десять лет не подозревала, что у неё есть счастливая соперница, и с оказиями пересылала мужу, бедствующему в нищей Совдепии, лекарства, костюмы, книги – всё, что попросит».

Чем занимался Казем-Бек в отделе внешних сношений патриархии? Встречал почти всех иностранцев, приезжавших по церковным делам в Москву. 21 февраля 1977 года Казем-Бек умер на даче в Переделкине и там же был похоронен. По аналогии с названием известного фильма о Зорге хочется спросить: «Кем вы были, Александр Казем-Бек?» В сухом остатке благодаря успешным действиям советских разведчиков, включая Казем-Бека, ни одна рота белогвардейцев не попала на Восточный фронт. А вместо 100-тысячной армии закалённых бойцов РОВС к 1941 году представлял собой агонизирующую организацию, которая никак не сумела проявить себя в годы войны.

Глава 2. Противники

*Текут рекой за ратью рать,
Чтобы уткнуться в землю лицами.
Как это глупо – умирать
За чей-то гонор и амбиции.*

Игорь Губерман, сатирик

22 июня 1941 года, с нападения нацистской Германии на Советский Союз, начался новый этап Второй мировой войны. Отныне Германия воевала на два фронта, и её поражение становилось только вопросом времени. Почему же Гитлер решился на этот, казалось бы, самоубийственный шаг – наступление на восток?

Опыт Первой мировой войны вполне доказал гибельность для Германии войны на два фронта. Но Гитлер всё равно считал такую войну неизбежной. Фюрер не верил Сталину и не сомневался, что рано или поздно тот на него нападёт. Поэтому Гитлер надеялся ударить первым и разгромить СССР в ходе «молниеносной войны» – блицкрига. Точно так же Сталин не верил Гитлеру и был уверен в том, что германское нападение на СССР вскоре последует. И точно так же надеялся упредить потенциального противника, ударить первым и разгромить Германию в ходе войны «малой кровью и на чужой территории».

Всё дело было в сроках, когда предполагалось нападение одного диктатора на другого. Сталин полагал, что Гитлер нападёт на Советский Союз только после капитуляции Великобритании или заключения с ней мира на германских условиях. В этом его убеждал, в частности, доклад Разведуправления Красной армии от 20 марта 1941 года, где утверждалось, что «наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почётногo для Германии мира».

В тот момент Гитлер мог применить две альтернативные стратегии борьбы с Британской империей. Германия могла попытаться перенести основные усилия в бассейн Средиземного моря, захватить Египет, а потом постараться оккупировать ближневосточные владения Британии, включая Ирак, захватить Иран и, помимо завоевания крупнейших нефтяных месторождений, создать угрозу Британской Индии. Однако средиземноморская стратегия никак не укладывалась в рамки блицкрига. Для победы на Средиземноморском театре Германии требовалось значительно нарастить количество самолётов и особенно тоннаж судов, как военных, так и торговых. Всё это требовало немалых усилий – на период значительно больший, чем один год. Но и в 1941 году германская экономика ещё не была полностью переведена на военные рельсы.

Главное же, даже захват вермахтом Гибралтара и Египта не принудил бы к капитуляции Британию, которая ощущала всё бо́льшую поддержку со стороны США. 11 марта 1941 года в Америке был принят закон о ленд-лизе, который давал президенту США право передавать в аренду другим государствам различные товары и материалы, включая вооружение и боевую технику, необходимые для ведения военных действий, если этого потребуют интересы безопасности США. С этого момента американское вооружение и стратегические материалы могли легально поставляться Соединённому Королевству и британским доминионам, причём без немедленной оплаты. Гитлеру требовалось поскорее разобраться с Британией, поскольку очень скоро та могла – при американской поддержке – стать непобедимой. Средиземноморская стратегия для этой цели была непригодна.

Казалось, больше возможностей быстро принудить лондонское правительство к капитуляции открывала высадка вермахта на Британские острова, учитывая относительную слабость британских сухопутных сил в метрополии. Но Люфтваффе битву за Британию в 1940 году про-

играли. Что ещё важнее, для масштабной высадки у немцев не хватало как надводных боевых кораблей, так и грузового тоннажа. Быстро исправить оба эти недостатка было невозможно. Поэтому в 1941 году успешная германская высадка на острова исключалась. Гитлер признавал это и решил напасть на Советский Союз, чтобы предотвратить возможное советское нападение (никаких конкретных данных о его подготовке он не имел, так что назвать германскую атаку превентивным ударом нельзя) и лишить Британию последнего потенциального союзника на европейском континенте.

Фюрер рассчитывал сокрушить СССР в ходе блицкрига по плану «Барбаросса». При этом он признавал весь риск затеваемого предприятия, так как в случае, если бы молниеносная война не удалась, стратегическое положение Германии становилось безнадёжным. Так, 30 мая 1941 года Гитлер сказал представителю дипломатического ведомства Германии при Ставке Вальтеру Хевелю: «„Барбаросса“ является риском, если этот план не удастся, то всё так или иначе пропало. Но если бы он удался, то создалась бы ситуация, которая, вероятно, принудила бы Англию к миру».

Гитлер торопился разделаться с Советским Союзом, чтобы, с одной стороны, предотвратить возможное советское нападение на Германию, а с другой – успеть закончить кампанию против СССР ещё до вступления в войну США, которое явно приближалось. Фельдмаршал Герд фон Рундштедт, командующий группы армий «Юг», говорил бывшему офицеру своего штаба, перед вторжением в СССР назначенному начальником штаба 4-й немецкой армии, полковнику Гюнтеру Блюментритту, что «в 1941 году разнеслось известие, что русские собираются напасть не только на Германию, а на всю Европу! В качестве доказательства Гитлер приводил три фактора: усиление советских вооружённых сил, увеличение числа дивизий и войну с Финляндией. Он считал, что русские ведут активную подготовку для нападения на Германию. Фюрер вспоминал Ленина, который заявил, что Советы ставят перед собой цель разжечь мировую революцию и эта цель может быть достигнута только с помощью силы. Отсюда лихорадочное формирование Красной армии. И тогда Гитлер заявил, что он не намерен ждать, когда русские будут готовы к нападению, и опередит эту опасность с Востока ради защиты Германии и всей Европы. Он считал, что русские нападут на Германию в 1941 году».

Гитлер не имел чётких данных относительно советских намерений, но и у Сталина не было конкретной информации о том, что Гитлер готовит нападение на СССР. Поэтому подготавливаемый им удар против Германии также нельзя назвать превентивным. Как и план «Барбаросса», сталинский план нападения на Германию был направлен против возможных будущих планов потенциального противника. Насчёт же сроков нападения Германии на СССР Сталин заблуждался, что стало трагедией и для него самого, и для страны. В советском Генштабе не располагали сведениями о содержании плана «Барбаросса» и имели не вполне адекватное представление о результатах воздушной битвы за Британию, преувеличивая боеспособность немецких военно-воздушных и военно-морских сил.

Так, в сводке Разведывательного управления Красной армии от 11 сентября 1940 года утверждалось, что на 1 сентября у немцев «всего на Западе находится от 6000 до 7000 боевых самолётов (главным образом истребителей и бомбардировщиков), предназначенных для самостоятельных действий против Англии». В действительности на 1 сентября 1940 года Люфтваффе всего располагало только 3547 боевыми самолётами, из которых боеготовыми были только 3015. Реальную численность Люфтваффе советская разведка завышала как минимум вдвое. Поэтому Сталину последствия битвы за Британию для немцев не казались катастрофическими, и он считал вполне вероятной проведение Германией высадки в Англии летом или в самом начале осени 1941 года.

Успеха германского десанта на Британские острова советский вождь допустить никак не мог. В случае, если бы Британия капитулировала, СССР остался бы с Германией один на один, что вовсе не входило в расчёты Сталина. Поэтому он отдал приказ о разработке плана

развёртывания Красной армии на Западе, нацеленного на вторжение в Германию. Нанести удар следовало ещё до германской высадки в Англии, так как была опасность, что, вторгнувшись на Британские острова, немцы предпочтут временно отдать часть территории на Востоке, но довести до конца разгром британцев. 11 марта 1941 года был утверждён план развёртывания с основной группировкой советских войск на юго-западном направлении. На этом плане как раз в разделе, посвящённом юго-западному направлению, сохранилась резолюция заместителя начальника Генштаба генерал-лейтенанта Николая Ватутина: «Наступление начать 12.06».

Несомненно, генерал не сам зафиксировал дату предполагаемого начала наступления против Германии. Она была продиктована ему Сталиным. Очевидно, вождь спросил у наркома обороны маршала Семёна Тимошенко и начальника Генштаба генерала армии Георгия Жукова, сколько времени потребуется на подготовку, и, получив ответ: три месяца, просто отсчитал этот срок от 11 марта, получив 12 июня. Разумеется, дата была условной. Если бы даже Красной армии удалось подготовиться в назначенный срок, то нападение, вероятно, было бы назначено на 15 июня, воскресенье, чтобы достичь максимальной внезапности. Но, как это и случалось во время подавляющего большинства советских наступательных операций Великой Отечественной войны, первоначальный срок не был выдержан. Судя по запланированным срокам осуществления переброски войск, советское наступление должно было начаться примерно в середине июля 1941 года. Гитлер ничего об этих советских планах не знал, а Сталин не спешил с их реализацией, не считая задержку на несколько недель существенной. Ведь германского нападения в 1941 году он не ждал, а германской высадке в Англии предшествовали бы вполне отчётливые признаки: интенсивные бомбардировки немцами Британских островов и сосредоточение десантных судов в портах Франции, Бельгии и Нидерландов. Пока этих признаков не было.

Тут необходимо подчеркнуть, что если «Барбаросса» – это план, воплощённый во вполне конкретное нападение на СССР 22 июня 1941 года, то советские планы превентивного удара так и остались на бумаге. Даже невозможно сказать, отдал бы Сталин приказ вторгнуться в Германию или нет, если бы реализация «Барбароссы» по какой-то причине задержалась. Если бы нападение Советского Союза на Германию всё-таки состоялось, кроме германских союзников, Сталина не осудил бы никто в мире – такая у Гитлера к тому времени была репутация. Наоборот, и Лондон, и Вашингтон только приветствовали бы советский удар, который значительно облегчил бы положение Британской империи.

Но даже если Сталин каким-то чудом успел бы упредить Гитлера и ударить первым, то Красная армия всё равно была бы разбита в первых сражениях. Нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Жуков основные силы и средства хотели вложить в удар Юго-Западного фронта, основу которого составляли войска Киевского особого военного округа, которым и Тимошенко, и Жуков ранее командовали. Они полагали, что и немцы сосредоточили здесь основные силы. Главное же, командно-штабные игры, проведённые в самом конце 1940 – начале 1941 года, где отрабатывались наступательные операции Красной армии против Германии и её союзников, показали, что вторжение в Восточную Пруссию может быть немцами успешно отражено, тогда как на юго-западном направлении советское наступление, по результатам игр, должно было развиваться успешно.

Здесь должны были наступать 152 советские дивизии. Горючего и боеприпасов для второго наступления – на Западном или Северо-Западном фронте – по всей вероятности, не хватало. Их, очевидно, рассчитывали подвезти за время успешного наступления Юго-Западного фронта. Получалось, что в центре и на правом крыле Западного фронта, а также на Северо-Западном и Южном фронтах Красная армия в первый месяц войны не должна была вести даже вспомогательного или демонстративного наступления. Немцы сразу же определили бы направление советского главного удара и нанесли бы мощный контрудар с севера во фланг и тыл наступающим. Это неминуемо привело бы к разгрому основных сил Красной армии, как это

и произошло в ходе операции «Барбаросса». Успех в приграничных сражениях определялся не тем, кто атакует первым, а уровнем боевой подготовки и командования войск, а также их оснащением вооружением и боевой техникой.

Вермахт обладал солидным перевесом в уровне боевой подготовки и командования, а также качественным превосходством в авиации, в первую очередь благодаря лучшим авиамоторам. В танках, благодаря наличию Т-34 и КВ, качественное превосходство, как, впрочем, и количественное, было на советской стороне. Но оно нивелировалось превосходством немцев в воздухе, а также в уровне боевой подготовки танкистов. Общая же победа во Второй мировой войне определялась соотношением людских и материальных ресурсов Антигитлеровской коалиции и держав Оси. Это соотношение не оставляло Гитлеру и его союзникам шансов не только на победу, но и на сведение войны «вничью».

Заключение пакта о ненападении 23 августа 1939 года поставило Германию и СССР в отношения дружественного нейтралитета.

В связи с намеченным разделом Польши военным двух стран предстояло практически взаимодействовать.

Уже утром 1 сентября 1939 года германское посольство в Москве передало просьбу командования люфтваффе об использовании немецкими самолётами, совершающими налёты на Польшу, советской радиостанции в Минске в качестве радиомаяка. Просьба была удовлетворена.

3 сентября германский посол Вальтер фон Шуленбург попросил наркома иностранных дел СССР Вячеслава Молотова разъяснить, можно ли ожидать вступления СССР в войну против Польши. Спустя два дня Молотов ответил, что СССР начнёт военные действия против Польши, «как только созреет момент». Первоначально вторжение советских войск в Польшу было запланировано на 12–13 сентября. Однако неожиданно упорное сопротивление польских войск в районе Варшавы, а особенно собственные трудности с сосредоточением материальной части заставили отложить начало военных операций РККА до 17 сентября.

В 2 часа ночи 17 сентября Сталин информировал Шуленбурга о том, что в 6 часов утра советские войска пересекут восточную границу Польши.

Советский вождь просил, чтобы немецкие самолёты не залетали восточнее линии Белосток – Брест – Львов. Получив эту информацию, верховное командование германских сухопутных сил приказало своим подчинённым остановиться в Польше на линии Белосток – Брест – Владимир-Волынский – Львов – Сколе. Этот рубеж проходил восточнее той демаркационной линии, которая была намечена на переговорах в Москве 23 августа. На Буге 20 сентября восточнее Бреста произошла встреча танкистов 29-й танковой бригады 4-й армии Белорусского фронта под командованием комбрига Семёна Кривошеина и их коллег из 19-го моторизованного корпуса генерала Гейнца Гудериана. Красноармейцы, по воспоминаниям Кривошеина, пригласили нацистов в «ленинскую палатку», где были развёрнуты традиционные советские агитплакаты. Те ещё не успели подвергнуться изменениям в соответствии с новым курсом Политбюро на дружбу с Гитлером, а потому привычно призывали к уничтожению фашизма. Но немцы не смутились их содержанием, отнеслись к ним как к забавной экзотике и даже сфотографировались на их фоне.

Дорогих немецких гостей щедро накормили борщом и шашлыком, после чего отпустили с наказом передать «горячий привет генералу Гудериану».

В соответствии с условиями политического соглашения, немцам предстояло оставить Брест. Процедура вывода была согласована 21 сентября на личной встрече Кривошеина и Гудериана, а на следующий день состоялся торжественный совместный парад обеих армий. Он, впрочем, как утверждает историк Михаил Мельтюхов, оказался единственным подобным мероприятием при контакте советских и германских войск в завоёванной Польше. Гудериан

согласился со сценарием парада, предложенным советской стороной: части вермахта стройными колоннами, с развёрнутыми знамёнами и исполнением маршей, покидают город, вслед за ними в Брест, в таком же оформлении, вступают части РККА.

В свою очередь, Кривошеин согласился стоять на трибуне рядом с Гудерианом и вместе приветствовать проходящие войска.

Но далеко не везде встреча союзников проходила в столь тёплой и дружественной обстановке. Несмотря на согласование опознавательных знаков и чёткие приказы командования обеих армий, между вермахтом и РККА местами вспыхивали стычки. Так, ещё 12 сентября передовые части 17-й германской армии начали бои за Львов. Поляки ожесточённо обороняли город. Немцы несли большие потери, но взять второй по величине город Польши было для них делом престижа. Немцы не прекратили своих атак и после того, как в Польшу вошли советские войска и начали движение на Львов. В результате уже 19 сентября между немецкими и советскими войсками в районе Львова начались перестрелки, пролилась первая кровь. Инцидент под Львовом стал предметом урегулирования на самом высоком уровне. С утра 20 сентября германский военный атташе в Москве генерал Эрнст Кёстринг вёл переговоры с наркомом обороны СССР Климентом Ворошиловым. Кёстринг указывал, что немецкие части якобы не могут быть отведены от Львова, не разбив противостоящего противника, то есть поляков. Кёстринг передал предложение верховного командования вермахта взять Львов совместно с Красной армией, а затем передать его советской стороне. Ворошилов категорически отверг эти провокации, и вечером 20 сентября немцы начали вывод своих войск из захваченных кварталов Львова.

Накануне отхода командование германской 17-й армии предложило польскому гарнизону Львова капитулировать, мотивируя, что в случае отказа поляки попадут в азиатский большевистский плен вместо культурного европейского.

Но поляки были полны решимости нанести максимальные потери русским большевикам. 22 сентября Львов пал под ударами Красной армии.

Вечером 20 сентября на встрече в Москве между Кёстрингом, Ворошиловым и начальником советского Генштаба Борисом Шапошниковым были согласованы сроки и процедура вывода немецких войск из районов, лежащих к востоку от демаркационной линии. В ночь на 21 сентября был подписан соответствующий протокол. Вермахт обязывался уйти из районов, предназначенных для занятия Красной армией, к 3 октября. Не везде отвод немецких войск и вступление советских проходили гладко. Местами возникали мелкие инциденты, подобные львовскому. Кое-где их провоцировали разрозненные группы польских войск, затесавшиеся между двумя армиями-победительницами. Крупная группировка польских войск, отступившая из Западной Белоруссии под ударами Красной армии, сдалась в плен немцам 6 октября под Лукувом. Соглашением 23 августа рубеж между СССР и Германией устанавливался, в частности, по реке Висла. Но в ходе войны вермахт продвинулся намного восточнее. Это привело к дополнительным переговорам по уточнению и согласованию демаркационной линии. Наконец, 28 сентября 1939 года в Москве в результате нового визита министра иностранных дел рейха **Иоахима фон Риббентропа** был подписан советско-германский договор о дружбе и границе. По нему рубеж переносился к востоку, с Вислы на реку Буг, взамен чего Германия признала Литву относящейся к сфере советского влияния. К этому времени советские войска, в свою очередь, продвинулись в ряде мест значительно западнее новой государственной границы СССР и Германии. 29 сентября им было приказано остановиться на достигнутых рубежах. 6 октября начался и к 13 октября завершился их отвод на восток. В ходе этих взаимных передвижений часть немецких войск в районе города Ярослава оказалась восточнее советских. По согласованию с командованием советского Украинского фронта, она, по данным документов, опубликованных историком Сергеем Случем, воспользовалась для отхода дорогами в советском тылу.

Личность Иохима фон Риббентропа обычно связывают с подписанием Пакта о ненападении в августе 1939 года.

Когда началась Великая Отечественная война, он до поры ушёл в тень и предоставил главную роль генералам вермахта. После предполагаемой победы Риббентроп мечтал в договорах оформить новые границы Третьего рейха, а пока взял на себя роль шефа особого батальона СС. Новое подразделение было сформировано в 1941 году при министерстве иностранных дел Германии. Командовал им майор войск СС фон Кюнсберг. Главной задачей «батальона Риббентропа» был захват исторических и культурных ценностей СССР, вывоз ценной литературы, документов и архивных фондов на территорию Третьего рейха. Проще говоря, эсэсовцы из батальона Риббентропа занимались грабительством оккупированных земель. За годы войны нацисты разорили более полутора сотен музеев, находящихся на территории современной России, и столько же культурных учреждений на Украине. Точная цифра утерянных ценностей неизвестна, есть лишь приблизительное число – как минимум 1 миллион 177 тысяч экспонатов. Вопрос о такого рода мародёрстве рассматривался на Международном военном трибунале в Нюрнберге, сотрудник «батальона Риббентропа» оберштурмфюрер Ферстер дал подробные показания о его деятельности. Сам Ферстер попал в плен в 1942 году. Вот что он рассказывал: «Задача батальона состояла в том, чтобы немедленно после падения крупных городов захватывать культурные и исторические ценности, библиотеки научных учреждений, отбирать ценные издания книг, фильмы, а затем отправлять всё это в Германию. Так, из Царского Села батальон вывез имущество Большого дворца-музея императрицы Екатерины. Даже китайские шелковые обои сняли со стен, а наборный пол вынесли в разобранном виде. Из дворца императора Александра были вывезены старинная мебель и богатая библиотека с 6–7 тысячами книг на французском языке и свыше 5 тысяч книг и рукописей на русском языке». На территории Украинской ССР орудовала 4-я рота «батальона Риббентропа». Самые серьёзные убытки эсэсовцы нанесли Киеву. Они разграбили библиотеку Академии наук, Киево-Печерскую лавру, художественный музей Украины и музей Тараса Шевченко. Из музея западного и восточного искусств нацисты вывезли древнерусские летописи, первые печатные книги Ивана Фёдорова, грамоты русских царей и универсалы украинских гетманов. За годы войны нацисты из «батальона Риббентропа» смогли выкрасть несколько картин художников XIX века – Репина, Верещагина, Ге и Федотова. В Харькове из картинной галереи были вывезены работы Айвазовского и Шишкина, а также несколько сотен картин и скульптур. Стараниями подопечных Риббентропа, в столицу Третьего рейха отправились летописи Древней Руси, подписанные царями грамоты, первые печатные книги Ивана Фёдорова и Петра Мстиславца, крупная нумизматическая коллекция редких монет. Всё это посылали в Берлин целыми эшелонами. В сохранившихся отчётах эсэсовцев за 1941 год о данных событиях сказано следующее: «Когда в конце сентября из отдела культуры рейхскомиссара было получено указание вывезти из Киева остатки художественных ценностей, все ценные в культурном отношении материалы были уже отправлены». Тем не менее спустя месяц в Германию отправили ещё четыре десятка вагонов с художественными ценностями. Скорее всего, нацисты присвоили ещё больше предметов, однако часть из них они забрали себе или отдали на обустройство нацистских канцелярий и кабинетов. В марте 1942 года в Берлине состоялась грандиозная выставка, демонстрировавшая награбленное в СССР. Риббентроп не скрывал гордости и удовлетворения от работы подшефного батальона. Он и сам был известным собирателем ценностей, поэтому немало «трофеев» осело в его личных коллекциях. Что касается столичной выставки, то на ней было представлено более 37 тысяч томов из царских дворцовых библиотек Царского Села и Гатчины, 69 тысяч географических карт, 75 тысяч наименований географической литературы. После окончания мероприятия все предметы искусства распределили между высшими должностными лицами Третьего

рейха и чиновниками оккупационной администрации. «Батальон Риббентропа» существовал в течение трёх лет и был окончательно расформирован в 1944 году.

Адмирал **Вильгельм Канарис** (1887–1945) принадлежал к «элите» Третьего рейха. Девять лет – с 1935 по 1944 год – он занимал пост главы управления военной разведки и контр-разведки (абвер) Верховного командования вооружённых сил Германии (ОКВ). Первые имя Канариса привлекло внимание общественности на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками в 1945–1946 годах и на малых нюрнбергских процессах в 1946–1949 годах.

Авторы книг и статей о Канарисе давали взаимоисключающие оценки своему герою. Если одни представляли его честолюбцем, карьеристом и шпионом, то другие (в том числе и бывшие сослуживцы адмирала) считали его предателем, который, по их мнению, во время Второй мировой войны нанёс сражавшемуся вермахту и немецкому народу кинжальный удар в спину.

Английский профессор Хью Тревор Роупер называет Канариса сомнительным политическим интриганом, под чьим бездарным руководством абвер влачил паразитическое существование. Немецкий биограф Канариса Карл Хайнц Абсхаген считает своего героя патриотом, гражданином мира, активным участником антигитлеровской оппозиции. Однако, по свидетельству биографов Канариса, гитлеровцы, казнившие начальника абвера, так до конца и не были уверены, действительно ли адмирал оказывал содействие противникам Гитлера и вёл подрывную деятельность против нацистского режима.

Из отечественных авторов наиболее полную биографию Канариса, используя приоткрывшиеся в 90-е годы XX века российские архивы, составил юрист и историк В. М. Гиленсен. Учёный пришёл к выводу, что Канарис, тайно сочувствуя антигитлеровскому заговору, делал всё возможное для повышения эффективности абвера. В политическом плане Канарис так и не решился открыто порвать с нацистским диктатором, ожидая от него чудесного спасения, за которое был готов заплатить любую цену.

Вильгельм Канарис родился в 1887 году в принадлежавшей Пруссии Рурской области, в деревушке Аплербек близ Дортмунда. В Аплербеке, как и во всём Руре, были развиты горное дело и тяжёлая промышленность. Отец Канариса был директором крупного металлургического завода. Родиться в конце XIX века в семье процветающего немецкого промышленника было, по образному выражению Абсхагена, всё равно что «родиться с серебряной ложкой во рту». К услугам молодого Канариса была вилла, тенистый сад, собственные теннисные корты, экипаж, в котором мальчика возили в школу, а в пятнадцать лет и собственная лошадь – верх мечтаний для немецкого подростка из состоятельной семьи.

Одного только не могли предоставить любящие родители своему отпрыску – родовитых предков. Отец Канариса отправился в Афины специально затем, чтобы попытаться доказать, будто род немецких Канарисов ведёт своё происхождение от грека Константина Канариса, который в 1822 году командовал греческим флотом, а потом стал у себя на родине видным политическим деятелем. Но, увы, семья дуйсбургских толстосумов не имела с ним ничего общего. Предки немецких Канарисов торговали, служили лесничими, владели фабриками, шахтами. О «голубой крови» говорить не приходилось. Тем не менее на вилле Канарисов красовалась статуя прославленного грека. Авось гости поверят, что Канарисы не простые буржуа. Охотно поддерживая эту версию, Вильгельм Канарис, уже будучи шефом абвера, повесил у себя в доме портрет греческого национального героя.

Товарищи по гимназии дали Вильгельму прозвище Кикер, то есть тот, который подсматривает, шпионит. Может быть, это прозвище повлияло на выбор жизненного пути будущего разведчика?

Окончив гимназию без особых отличий в учёбе, юноша решил не поступать в университет, а посвятить себя военному делу. В 1905 году он поступил в кайзеровскую военно-морскую кадетскую школу в Киле. После двух лет обучения в кадетской школе Канарис был назначен на

крейсер «Бремен», который находился на боевом дежурстве у берегов Южной Америки. Через год Канариса произвели в лейтенанты; он стал адъютантом командира. Биографы Канариса свидетельствуют, что именно на крейсере «Бремен» молодой офицер прошёл школу «обхождения с людьми». Дипломатический талант молодого офицера был оценён: он был награждён боливийским орденом.

В 1914 году, когда началась Первая мировая война, Канарис служил на крейсере «Дрезден». В Тихом океане «Дрезден» был потоплен британским крейсером «Глазго»; немецкие моряки были взяты в плен и интернированы на маленьком островке в Тихом океане. Командир «Дрездена» решил тайком отправить на родину гонца, чтобы оправдаться перед своим начальством. Это ответственное поручение было возложено на Канариса, который с фальшивым чилийским паспортом сумел пробраться в Германию.

Учитывая его знание испанского языка и способности к перевоплощению, Канариса перевели в военно-морскую разведку на должность помощника военно-морского атташе в Испании. Канарису надлежало создать агентурную сеть в испанских портах и обеспечить бесперебойное снабжение немецких подводных лодок углём и провиантом. Но миссия Канариса в Мадриде провалилась.

Конец Первой мировой войны кавалер орденов «Железный крест» 1-го и 2-го класса капитан-лейтенант Канарис встретил командиром подводной лодки U-128. Правда, в подводной войне он участвовал недолго: война была проиграна. 8 ноября 1918 года лодка Канариса стала на якорь на базе в Киле, где с восстания военных моряков началась революция в Германии. Кайзеровская империя рухнула. Для Канариса это был страшный удар: он был убеждённым монархистом. Канарис примкнул к «Фрайкору» (корпусу добровольцев) Густава Носке, который обещал растерзать, как «кровавая собака», германскую революцию. После подавления революции Носке стал военным министром, а Канарис продолжил службу в урезанных Версальским договором военно-морских силах Веймарской республики.

Приход Гитлера к власти в 1933 году капитан 1 ранга Канарис встретил в должности командира линкора «Силезия» – одного из немногих устаревших судов этого типа, оставленных Германией по Версальскому договору. Когда Гитлер посетил «Силезию», командир устроил ему торжественную встречу. Гитлер это запомнил.

1 января 1935 года Канарис, произведённый в чин контр-адмирала, был назначен шефом абвера – германской военной разведки и контрразведки. По внешности адмирал мало напоминал «морского волка», хотя ходил по морям и океанам почти 30 лет. Это был человек небольшого роста (отсюда его прозвище Маленький адмирал), далеко не атлетического телосложения. Несмотря на то, что ему было лишь 47 лет, Канарис был совершенно седым. Его светло-голубые холодные глаза внимательно смотрели на собеседника из-под густых бровей.

Под началом Канариса оказалась небольшая организация, созданная в 1921 году на базе расформированной разведывательной службы кайзеровской Германии. Она почти 10 лет существовала полулегально, ибо Германии по Версальскому договору запрещалось иметь Генеральный штаб и вести наступательную разведку. Разрешалась лишь защита от иностранных шпионов. Отсюда и название нового учреждения: «абвер» – защита.

При Канарисе абвер превратился в наиболее мощную разведывательную систему, правда, не единственную в рейхе. В задачи ведомства Канариса входило обеспечение государственного руководства, главного командования видов вооружённых сил информацией о военных планах вероятных противников, о состоянии их обороны. На абвер была возложена задача организации диверсий во враждебных государствах. В годы нацизма абвер создал за рубежом систему резидентур, включённых в аппараты германских посольств. Филиалы абвера вели агентурную разведку в третьих странах, а военные атташе собирали сведения в странах пребывания, причём, как правило, из легальных источников. Агентурной работой они занимались редко. На особом положении находилась служба контршпионажа, которая кроме подразделений в струк-

туре периферийных отделов абвера при штабах округов располагала сетью низовых резидентур, закамуфлированных под коммерческие фирмы. Они выявляли действовавших на территории Германии иностранных агентов, осуществляли их перевербовку или устанавливали скрытый контроль, внедряли своих людей в тайную сеть иностранных разведок.

Канарис ввёл новые принципы построения абвера, вытекавшие из его понимания задач и целей разведки. Эти принципы олицетворяли бронзовые фигурки трёх обезьян, украшавшие кабинет Маленького адмирала, одна обезьяна поднесла руку к глазам, как бы смотря вдаль, другая приложила ладонь к уху, третья предостерегающе поднесла палец к губам. Канарис считал эти фигурки символом разведки, ибо разведка всё видит, всё слышит, но ничего не говорит. Абвер, считал Канарис, должен иметь свои глаза, уши, руки, ноги.

Абвер после его реорганизации состоял из центрального отдела, отдела внешних сношений и трёх оперативных отделов – первого, второго и третьего. Абвер-I ведал тайной разведывательной службой, то есть шпионской работой в иностранных государствах. Он собирал информацию от разветвлённой сети агентов и был «ушами» абвера.

Абвер-II занимался организацией актов саботажа и диверсий во вражеских странах. Для этого готовились кадры в специальной школе, оборудованной по последнему слову диверсионной техники. Диверсанты перебрасывались из страны в страну, с одного объекта на другой и как бы придавали мобильность абверу. Поэтому абвер-II был «ногами» разведывательного организма, созданного адмиралом.

Саботаж входил в «классическую схему» построения разведки, рекомендованную в своё время главой кайзеровской военной разведки полковником Вальтером Николаи. Действия Канариса укладывались в рамки традиций и отличались лишь масштабностью.

От кайзеровской военной разведки абвер отличало наличие особых воинских контингентов. Это были «руки» абвера. По замыслу Канариса, они должны были служить не только для борьбы с «внешними врагами», но и для защиты абвера внутри рейха. Канарис создал свою гвардию, своё оружие власти.

Ещё до войны было издано распоряжение Гитлера о создании тайной полевой жандармерии, подчинённой ОКВ. Но Канарис рассматривал это решение как половинчатое. Только после начала Второй мировой войны ему удалось реализовать свой план в полном объёме. Во время польской кампании 1939 году диверсионные группы отдела абвер-II оказали вермахту немалые услуги – они овладевали узлами связи и стратегически важными объектами за несколько часов до начала военных действий, а в ходе боёв занимались дезорганизацией тылов польской армии.

13 октября 1939 года в абвере была создана «рота Бранденбург-800 для особых поручений» под командованием сотрудника отдела II капитана Гиппеля. Через три месяца рота превратилась в батальон, спустя некоторое время – в полк и, наконец, в 1942 году стала дивизией. По месту расквартирования командных центров её называли «дивизия Бранденбург».

Таким образом Канарис получил то, чего не имел ни один шеф военной разведки, – собственную дивизию, игравшую не только военную, но внутривластную роль. Маленький адмирал стал большой фигурой; в рейхе его побаивались, стремились задобрить, заручиться его дружбой и поддержкой.

Абвер-III – «глаза» абвера. Этот отдел представлял собой разветвлённый аппарат, в котором работало не менее тысячи сотрудников; в их обязанность входила контрразведка. В абвер-III входило множество секторов и групп. Отдел ведал борьбой с иностранными разведывательными службами не только в вермахте (для этой цели были созданы три сектора – сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил), но и на всей территории рейха. Три специальных сектора занимались работой в «гражданской области». Два сектора ведали особо тонкими и деликатными вопросами: дезинформацией и подрывной работой внутри иностранных разведывательных служб. Речь шла главным образом о снабжении иностранных разведок фаль-

шивыми сведениями, призванными ввести их в заблуждение, направить по ложному следу, замаскировать агрессивные намерения гитлеровского рейха. Эту деятельность Канарис называл «игрой разведок». Ещё два сектора «курировали специальные сферы» – лагеря для военнопленных (вербовка агентов среди пленных и вылавливание разведчиков) и перехват сообщений иностранных разведывательных служб, передававшихся по радио, почте и телеграфу.

Существовали ещё специальные секторы, ведавшие изготовлением шпионской аппаратуры, портативных раций и пеленгаторов и обучением агентов. Гордостью Канариса были два изобретения этого отдела – «микроточка» и маленький чемодан-радиостанция.

«Микроточка» давала возможность уменьшить страницу машинописного текста до размера точки, которая впечатывалась в письмо самого невинного содержания. Только к концу войны изобретение стало известно англичанам из показаний арестованного немецкого агента.

Что касается переносных чемоданов-радиостанций, то во время войны немецкие агенты использовали их часто. Для приёма агентурных радиосообщений и передачи инструкций абвер построил около Берлина сверхмощную и первоклассно оборудованную радиостанцию. Кроме того, отделы абвера в военных округах имели свои радиостанции.

Кроме оперативных отделов в абвере был центральный аппарат. Он ведал картотекой – гигантским архивом, расположенным в «Лисьей норе» – штаб-квартире абвера на берлинской набережной Тирпицбуфер.

В каждом военном округе рейха были созданы местные органы абвера – «абверштеллен» (АСТ). За границей действовали военные организации абвера – «кригсорганизационен» (КО). АСТ были построены по аналогии с центральным аппаратом; КО маскировались главным образом под частные учреждения и коммерческие фирмы. Накануне Второй мировой войны агентура абвера действовала в Европе (в частности, во Франции, Польше и СССР), в Северной и Южной Америке, на Среднем и Дальнем Востоке.

После начала Второй мировой войны, в 1939–1940 годах, оппозиционные Гитлеру офицеры абвера предпринимали усилия для достижения компромисса с Англией и Францией. Остер информировал военных и дипломатических представителей западных держав о военных планах Гитлера осенью 1939 года и в начале 1940-го. В абвере связями с Западом с ведома Канариса занимался его заместитель полковник Ханс Остер. Германская консервативная оппозиция стремилась добиться согласия Запада на заключение мира, по которому рейх сохранил бы большую часть приобретённых территорий: Австрию, Судетскую область, Силезию, Данциг, «польский коридор».

После нападения Германии на Польшу подчинённый Канариса майор Эрнст Блох получил от своего шефа секретное задание: «Вы поедете в Варшаву и найдёте самого ультраеврейского раввина на свете, ребе Йосефа Ицхака Шнеерсона, и спасёте его. Его ни с кем не перепутать: он – вылитый Моисей». Блох вывез Шнеерсона с семьёй из Польши через свободную тогда ещё Латвию в нейтральную Швецию, где они сели на трансатлантический лайнер и благополучно прибыли в Нью-Йорк.

Берлинский историк Винфрид Майер считает, что об операции по спасению любавичского ребе, кроме её инициатора Канариса, знал Геринг: «У Геринга и Канариса был общий интерес – оба не хотели, чтобы война в Польше переросла в мировую войну: они надеялись, что Рузвельт ради сохранения мира организует переговоры между Германией и Великобританией. Они были готовы спасти ребе Шнеерсона, чтобы оказать услугу американскому правительству».

22 июня 1941 года Германия напала на СССР. Канарис, убеждённый противник большевизма и Советского Союза, превратил абвер в механизм подготовки и осуществления плана «Барбаросса». При этом Маленький адмирал сознательно шёл на нарушение норм международного права.

Однако было бы ошибкой считать, что шеф абвера одобрял решение Гитлера начать поход на восток: Канарис понимал бесперспективность войны Германии на два фронта, об опасности которой предостерегал ещё великий Бисмарк. Именно война на два фронта, считал Канарис, стала главной причиной поражения Германии в Первой мировой войне.

Канарис, его заместители генерал-лейтенант Ганс Пиккенброк и контр-адмирал Леопольд Бюркнер стремились снабдить ОКВ объективной информацией о военной силе СССР и тем самым предостеречь от необдуманных шагов. Но если германская военная разведка в целом верно оценивала качество боевой подготовки Красной армии, то относительно численности РККА абвер во многом заблуждался. По данным германской военной разведки, личный состав Красной армии в январе 1941 года насчитывал 2 млн чел. На самом же деле число бойцов и командиров РККА было более чем в два раза больше – 4,2 млн. Такая грубая ошибка свидетельствовала о плохой работе абвера и его шефа. Сильно заниженными были немецкие расчёты темпов мобилизации Красной Армии, далёкими от истины – сведения о размерах и качестве материальной части советских танковых войск и военно-воздушных сил. Абвер оказался не в состоянии собрать объективные данные о советской военной промышленности, о производственных мощностях военных заводов. Канарис не сумел создать и эффективную агентурную разведку на территории СССР.

При этом Маленький адмирал вёл двойную игру: с одной стороны, он добывал для вермахта военную информацию об СССР, с другой, действуя через англичан, пытался предупредить советское руководство о нависшей угрозе германского нападения. Канарис рассчитывал, что Сталин примет контрмеры, которые убедят Гитлера, что элемент неожиданности «Барбароссы» утрачен, и фюрер отменит нападение.

Однако 22 июня 1941 года началась германская агрессия против СССР. Разведывательно-диверсионные подразделения абвера приняли в ней активное участие. В первый день войны сводная рота 1-го батальона «Бранденбург» захватила город Пшемисль, форсировала реку Сан и заняла плацдарм у Валавы. 24 июня ночной воздушный десант «бранденбуржцев», высаженный со сверхмалой высоты в районе населённых пунктов Лида и Первомайский, захватил и удерживал в течение двух суток железнодорожный мост на магистрали Лида – Молодечно.

25 июня 35 диверсантов «Бранденбург-800», переодетых в красноармейскую форму, были сброшены на парашютах близ станции Богданово (Белоруссия). Они захватили и удерживали до подхода немецких войск два моста на реке Березина.

После начала боевых действий на Восточном фронте абвер наряду с органами СС, подчинёнными рейхсфюреру Генриху Гиммлеру, стал важным элементом системы нацистского террора на временно оккупированных советских землях. Специальные формирования полиции безопасности и СД, с которыми сотрудничал абвер, должны были «уничтожать без всякого разбирательства коммунистических функционеров, активистов, евреев, цыган, саботажников и агентов, всех лиц, являющихся в принципе вредными для вермахта». К подлежащим уничтожению были отнесены политработники Красной армии и «лица, имеющие политическое значение». В то же время в сентябре 1941 года Канарис пытался опротестовать подписанный начальником Генштаба ОКВ генерал-фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем «Приказ о комиссарах» от 6.VI.1941 года. Этот преступный приказ был частично пересмотрен в июне 1942 года: принадлежность к политсоставу Красной армии более не каралась расстрелом, но евреи, как и прежде, подлежали смертной казни.

На первых порах войны Канарис успешно обеспечивал командование вермахта необходимыми разведданными. Но в 1942-м начался кризис абвера. После провала операций «Боярышник» (восстание в Южной Африке), «Тигр» (афгано-индийский конфликт), «Шамиль» (восстание на Кавказе) положение Канариса пошатнулось. 15 апреля 1943 года из абвера за связи с антигитлеровским заговором был уволен Ханс Остер, тогда уже генерал-майор, правая рука

Канариса. К тому же спецслужбы СС начали подозревать Канариса и его подчинённых в тайных сношениях с Англией через Ватикан.

Летом и осенью 1943 года вермахт понёс тяжёлые поражения на Восточном фронте. В значительной степени они были следствием неэффективности германской военной разведки и успешной работы советской контрразведки.

Начальник контрразведывательного отдела абвера генерал Франц фон Бентивеньи отмечал: «Исходя из опыта войны, мы считали советскую контрразведку чрезвычайно сильным и опасным противником. По данным, которыми располагал абвер, почти ни один заброшенный в тыл Красной армии немецкий агент не избежал контроля со стороны советских органов, и в основной массе немецкая агентура была арестована русскими чекистами, а если возвращалась обратно, то зачастую была снабжена дезинформационным материалом».

Абвер не сумел разведать намерения советского командования после неудачи немецкого наступления на Курской дуге. Массированный удар Воронежского и Степного фронтов, нанесённый 3 августа 1943 года (операция «Полководец Румянцев»), стал для командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна неожиданным и привёл к разгрому всей Белгородско-Харьковской группировки вермахта. Последовало освобождение Красной армией Харькова, создание благоприятных условий для советского наступления на Левобережную Украину.

В 1943 году Канарис едва избежал привлечения к ответственности за дезориентацию ОКВ о положении дел в Италии. Шеф внешнеполитической разведки СД бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг получил от своего агента сведения, что Канарис во время своей поездки в Италию встречался с начальником итальянской военной разведки бригадным генералом Чезаре Аме, от которого узнал о подготовке заговора против дуче Бенито Муссолини, но не информировал об этом Кейтеля.

В 1943 году Канарис окончательно утратил веру в победу рейха и решил более активно содействовать заговорщикам, которые к тому времени разработали новый план государственного переворота с целью устранения Гитлера и заключения компромиссного мира.

Летом 1943 года на тайной встрече в Сантандере (Испания) с руководителями британской и американской спецслужб Канарис выдвинул план перемирия с западными державами и продолжения войны на востоке. Хотя стороны и пришли к согласию, политическое руководство Великобритании и США отвергло это соглашение: оно подрывало основы антигитлеровской коалиции.

Гестапо подозревало Канариса в связях с заговорщиками. 11 февраля 1944 года последовал приказ об отстранении адмирала от должности начальника абвера. 18 февраля последовало указание Гитлера о создании подведомственной Гиммлеру «единой немецкой секретной службы», которой была передана большая часть структур и сотрудников абвера. В системе армейского командования были сохранены только подразделения фронтовой разведки.

30 июня адмирал Канарис был уволен в запас. На следующий день он был назначен начальником штаба ОКВ по вопросам торговой и экономической войны. Этим номинальным назначением Гитлер пытался смягчить впечатление, будто коренная реорганизация германских спецслужб является признаком тяжелейших внутренних потрясений.

20 июля 1944 года Канарис сидел у себя дома. Внезапно зазвонил телефон: полковник Клаус фон Штауффенберг сообщил, что фюрер мёртв. Взорвавшаяся в расположенной под Растенбургом ставке «Волчье логово» бомба отправила Гитлера на тот свет. Канарис реагировал в своей типичной манере. Он переспросил Штауффенберга: «Мёртв? Боже мой, неужели русские?» (Разумеется, Канарису было прекрасно известно: бомбу подложил Штауффенберг. Но бывший глава абвера знал, что его телефон прослушивается; позднее на допросе была предъявлена стенограмма этого телефонного разговора.) К тому же Штауффенберг упомянул лишь о смерти Гитлера, а как обстояло дело с Гиммлером и Герингом?

В штаб заговорщиков на берлинской Бендлер-штрассе Канарис не поехал даже тогда, когда они начали действовать по плану «Валькирия» – плану государственного переворота, в который он был посвящён. Когда Канарис узнал, что Гитлер остался жив, то немедленно направил ему телеграмму, поздравляя с «чудесным избавлением от гибели».

Судьба Канариса была предрешена, когда на него дали показания арестованные участники заговора. Полковник Георг Хансен назвал адмирала «духовным инициатором антиправительственного движения».

Арестовывать Канариса приехал сам Шелленберг. Допрашивал Маленького адмирала шеф гестапо группенфюрер СС Генрих Мюллер. Канариса содержали в застенках гестапо, но после налёта авиации 8-го американского воздушного флота на Берлин 3 февраля 1945 года, когда здание гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе, № 8 было разбомблено, Канариса перевели в концлагерь Флоссенбург. Через несколько дней были обнаружены дневники Канариса, в которых он отрицательно отзывался о Гитлере.

8 апреля 1945 года специальным судом во Флоссенбурге адмирал Канарис был приговорён к смертной казни за измену фюреру и рейху. На следующий день, 9 апреля 1945 года, Вильгельм Канарис был повешен. Ровно через месяц, 9 мая 1945 года, преступный Третий рейх перестал существовать.

Самым известным диверсантом Рейха являлся профессиональный разведчик, оберштурмбаннфюрер СС **Отто Скорцени**. Он выполнял секретные задания Гитлера в разных странах, пользовался особым расположением фюрера и считался «диверсантом номер один».

Отто Скорцени родился в 1908 г. в Вене. В возрасте 20-лет он вступил в нацистскую организацию «Академический легион», где впервые встретился с Э. Кальтербруннером. В 1932 г. Скорцени был принят в НСДАП, а через два года зачислен в СС.

«Боевое крещение» Скорцени состоялось в 1934 г., когда он принял участие в неудачной попытке государственного переворота в Австрии. Исправить «ошибку» ему удалось через четыре года. В марте 1938 г. эсэсовский отряд под командованием Скорцени проник в президентский дворец и арестовал австрийского президента В. Микласа.

На первом этапе Второй мировой войны Скорцени в качестве бойца войск СС успел повоевать на территории Польши, Франции, Югославии, а затем несколько месяцев провёл на Восточном фронте.

В декабре 1941 г. Скорцени по болезни был отправлен для излечения в тыл. Обратного он так и не вернулся, получив должность руководителя частей особого назначения СС.

В начале 1943 г. под руководством Скорцени была создана учебная база в замке Фриденвальд, где велась подготовка диверсантов. В качестве руководителя формирования особого назначения в сентябре 1943 г. Скорцени осуществил операцию «Дуб», целью которой было освобождение итальянского диктатора Муссолини. Эта операция принесла ему мировую славу и Рыцарский железный крест.

Следует сказать, что с самого начала Второй Мировой военные дела у Италии шли «не очень». Вместо головокружительных успехов, итальянцы получили лишь разочарование и потери. Даже тот минимальный успех, которого добились итальянцы в Греции был благодаря помощи Гитлера. В такой ситуации 24 июля 1943 года на заседании фашистского совета в Италии Бенито Муссолини был выдвинут вотум недоверия. Суть была в том, чтобы Дуче передал правление королю Виктор Эммануилу III. Однако Бенито отказался, и на следующий день уже на личной встрече с королём повторил свой отказ, после чего и был арестован. Его место занял герцог Аддис-Абебского Пьетро Бадольо, который изначально был против вступления Италии в войну.

Для Гитлера такие обстоятельства были катастрофическим. Во-первых, в таком случае мир Италии с союзниками лишь вопрос времени, и все немецкие части, воюющие рядом с ита-

льянцами, будут под ударом. Во-вторых, открытие ещё одного фронта перед высадкой союзников, уничтожило бы Рейх очень быстро. Исходя из этого Гитлер решает, спасти дуче любой ценой и поставить во главе страны!

Когда Гитлер собрал кандидатов на выполнение операции по спасению Дуче среди них был Отто Скорцени. И когда Гитлер задал вопрос про отношение к Италии, Отто не стал разглагольствовать, как другие кандидаты, а сухо ответил: «Я австриец, мой фюрер». Главе Рейха было прекрасно известно, что все австрийцы не любили итальянцев, после Первой Мировой Войны. Кстати, Скорцени был наставником и шефом знаменитого диверсанта Адриана Арминиевич фон Фёлькерзама.

После совещания Скорцени сразу приступил к подготовке операции. Было отобрано 50 человек, знающих итальянский, подготовлено много видов взрывчатки и разного рода детонаторов.

30 июля Скорцени со своими людьми прибыли в Италию. Около двух недель они собирали данные, чтобы понять, где удерживают бывшего итальянского лидера. До них дошли слухи от местных, что Дуче держат на острове Ла-Маддалена в Сардинии.

Чтобы точно убедиться в местонахождении Муссолини, Скорцени поручил своему помощнику, Роберту Варгеру, притворяясь пьяным итальянским моряком, распускать слухи о смерти Дуче в надежде, что другие моряки вступят в спор и предъявят доказательства. Варгер был убеждённым трезвенником, но спустя некоторое время его удалось убедить, и всё получилось, данные были подтверждены.

После получения данных Скорцени на самолёте отправился изучать остров, чтобы сделать немного снимков, однако их самолёт был сбит союзной авиацией, а пока немецкий диверсант со своими людьми добирался до штаба, Бенито вновь перевезли в другое место.

3 сентября 1943 союзники заключили мир с Италией по инициативе Пьетро Бадольо. Казалось, что всё кончено и операцию следует отменить. Однако сотрудникам гестапо удалось перехватить переговоры итальянцев и узнать, что Дуче находится в горной деревушке Ассерджи под охраной.

Чтобы свести риск к минимуму, немцы захватили итальянского генерала Солети, рассчитывая на то, что, если его переодеть и взять с собой на операцию, охрана не будет стрелять в своего генерала. Расчёт удался, во время начала операции напуганный Солети кричал, чтобы солдаты не стреляли, в это время Скорцени ворвался в помещение, где держали Муссолини и после небольшого штурма всё было окончено. Десантники загрузились в небольшой самолёт «Шторх», и после небольшой пересадки Дуче отправился в Вену.

Честно говоря, успех операции был довольно-таки сомнительным. Да, сам размах операции и её сложность поражали. Но Муссолини уже представлял собой «политический труп». Выкрасть диктатора удалось, и при этом около 30 диверсантов погибло. На горную виллу, где содержался Муссолини, отряд добирался на планерах. Несколько из них потерпели крушение при взлёте и посадке.

По возвращению, Скорцени выслушал поздравления по телефону от Гитлера и Гиммлера и получил Железный крест первого класса вместе с повышением. Ну а неудачный политик Муссолини, готовился к управлению новым марионеточным государством Третьего рейха – Итальянской Социальной Республикой.

В марте 1944 г. Скорцени возглавил диверсионный центр в Главном управлении имперской безопасности. В октябре 1944 г. он организовал два успешных похищения: сначала сына венгерского диктатора, а затем и самого Миклоша Хорти, который вступил в тайные переговоры с западными союзниками. За эту операцию Скорцени был удостоен Железного креста с дубовыми листьями.

15 мая 1945 г. Скорцени был арестован. В ожидании суда он два года провёл в разных лагерях. В 1947 г. «диверсанту номер один» был неожиданно вынесен оправдательный приго-

вор. Через год его вновь арестовали. «Супердиверсант» не стал ждать нового судебного разбирательства. В июле 1948 г. при помощи американцев Скорцени совершил побег из лагеря военнопленных в Дармштадте.

После этого Скорцени несколько раз менял место жительства, побывав в США, Франции, Ирландии и Испании. Он работал с американской и израильской разведкой, террористической организацией OAS. Под руководством Скорцени была осуществлена переправка за границу около 500 бывших высокопоставленных эсэсовцев (операция «Паук»).

После Второй мировой войны был искусственно создан образ «великого диверсанта», чему сильно способствовали многократно переиздаваемые мемуары самого Скорцени. Однако в них содержится большое количество неправдоподобных деталей, о многих эпизодах своей биографии диверсант сознательно умалчивает.

Фактически к «заслугам» Скорцени можно отнести только похищения Муссолини и Хорти. Полным провалом закончилась операция «Волшебный стрелок». Более полугода Скорцени забрасывал на территорию СССР агентов, радистов, оружие, боеприпасы, медикаменты, попадающие прямо в руки советских контрразведчиков.

Нельзя признать успешной и тщательно планируемую Скорцени операцию «Гриф» в Арденнах. В конце 1944 г. он сформировал отряд для проведения диверсий в тылу американских войск. Все участники были замаскированы под американцев. О секретной операции стало известно уже на второй день после её начала. В результате из трёхтысячного отряда уцелела лишь треть.

Умер «диверсант номер один» в 1975 г. в Мадриде.

Вторым по значимости диверсантом Третьего рейха считается **Адриан фон Фелькерзам**, работавший в тесном сотрудничестве со Скорцени.

Фелькерзам родился в Санкт-Петербурге и вёл происхождение от знаменитого дворянского рода. После Октябрьской революции он эмигрировал в Латвию, а накануне Великой Отечественной войны (когда Прибалтика была присоединена к СССР) переехал в Германию.

В мае 1940 г. Фелькерзам вошёл в состав полка особого назначения «Бранденбург-800». Главной задачей полка было проведение диверсионной и разведывательной работы в тылу советских войск и армий союзников.

Фелькерзам был назначен командиром Балтийской роты, в состав которой входили фольксдойче, литовцы и русские белоэмигранты. Все они прекрасно говорили по-русски.

Диверсанты Балтийской роты передевались в советскую форму и первыми проникали на территорию противника. Их непосредственной целью был захват мостов и стратегических объектов.

Рота под командование Фелькерзама совершила несколько удачных спецопераций. Самой известной была т. н. «Майкопская диверсия». В 1942 г. диверсанты под видом НКВД-эшников приехали в Майкоп. Сам Фелькерзам представился майором Трухиным. Ему удалось быстро дезорганизовать оборону, разослав по городу приказы об отступлении.

Группа уничтожила узел связи в городе, а затем заняла телеграф. Диверсанты, распространяли ложные сообщения о том, что город почти окружён и все советские солдаты, должны срочно отступать, чтобы избежать плена. Используя гранаты, они имитировали артиллерийский обстрел, а чуть позже захватили важный мост через реку «Белую» и контролировали его до прихода немцев. В итоге в городе была посеяна паника, и он был быстро захвачен без боя, а красноармейцы в спешке оставили много техники и тяжёлых орудий. Ну а Адриан получил свой рыцарский крест.

Действия Балтийской роты привлекли внимание О. Скорцени. «Диверсант номер один» назначил Фелькерзама командиром истребительного соединения «Восток» и сделал его своей

«правой рукой». Под руководством Скорцени Фелькерзам участвовал в похищении Хорти и операции в Арденнах «Гриф».

Гитлер узнаёт, что сын Венгерского правителя Хорти ведёт переговоры с СССР по заключению мира. Если бы они смогли договориться, это означало катастрофу для немецкой армии. В ходе операции 15 октября 1944 года, немецкие диверсанты избили и похитили Хорти-младшего. Они также берут под стражу и самого правителя Хорти, не встречая никакого сопротивления со стороны венгерских войск. После «разъяснительной беседы» с представителями СС Хорти соглашается отречься в обмен на жизнь своего сына. В итоге руководство страны берёт в свои руки симпатизирующий Гитлеру Ференц Салаши, а переговоры о мире с СССР окончательно сорваны.

Адриану удалось повоевать и на западном фронте. Эта операция проводилась в рамках Арденнского наступления. Её целью был захват мостов для развития наступления и создание паники в рядах американцев. В начале всё шло неплохо, диверсантам удалось захватить несколько важных постов, а во время вторжения они путали войска союзников бессмысленными приказами и сообщениями. Однако на второй день у офицера нашли полный план операции «Грейф», и диверсантов стали отлавливать по всему фронту. Да и общий провал операции и отступление германских войск сыграли свою роль, и наступление пришлось свернуть.

Диверсантов ловили очень просто, им задавали вопросы на знание американского быта, в стиле: «Кто такой Тарзан?», «Какая команда выиграла чемпионат по бейсболу?»

Легендарный диверсант был убит 21 января 1945 года во время обороны города Хоэнзальца, когда выходил из своего расположения. Адриан был награждён посмертно.

По некоторым оценкам, Адриан был более искусным диверсантом, чем тот же Скорцени, вокруг которого было очень много пиара. Но в силу возраста и обстоятельств ему не удалось обойти «диверсанта номер один» по популярности.

Не секрет, что оправданием Гитлера за вторжение в Польшу послужила инсценировка нападения «польских агрессоров» на немецкую радиостанцию. Этой известной спецоперацией командовал диверсант **Альфред Хельмут Науйокс**.

Науйокс родился в Киле в 1908 г. (по другим данным – в 1911 г.). Подростком он вступил в «штурмовые отряды», а в 1931 г. был зачислен в ряды СС. Через три года Науйокса перевели в службу безопасности (СД).

Первая успешная операция Науйокса была организована в 1935 г. против антигитлеровской организации «Чёрный фронт». Разошедшийся с Гитлером во взглядах О. Штрассер обосновался в Праге, откуда вёл радиотрансляции с обвинениями фюрера.

Немецкая разведка определила координаты передатчика. Науйоксу было поручено выкрасть инженера Р. Формиса (главного оператора радиостанции) и доставить его в Германию. Операция прошла не совсем гладко. Между Науйоксом и Формисом завязалась перестрелка, в ходе которой инженер был убит. Диверсанту удалось сбежать, взорвав радиопередатчик.

Затем Науйоксу было поручено подготовить сфальсифицированные документы и письма о связях Тухачевского и близких к нему военачальников с немецкими генералами. Эти фальшивки были проданы сотрудникам НКВД. Ряд историков считает, что именно эта операция привела к «большой чистке» в рядах военного командования СССР.

Прославила Науйокса операция «Консервы» («Глейвицкая провокация»). Диверсант возглавил отряд, который 31 августа 1939 г. совершил нападение на немецкую радиостанцию в городе Глейвиц, расположенном на границе между Польшей и Германией. Люди Науйокса были одеты в польскую форму. Они вышли в эфир и обратились к полякам с антигерманской речью. На следующее утро в ответ на «агрессию» подразделения Вермахта вторглись на территорию Польши начав Вторую мировую Войну.

В ноябре 1939 г. агенты службы безопасности под командованием Науйокса захватили в плен двух английских офицеров (Беста и Стивенса), которые хотели установить связь с немецкими подпольщиками. Незадолго до этого Науйокс возглавил ещё одну антибританскую операцию – «*Андреас*» (впоследствии – «*Бернгард*»). Ему было поручено руководить работой специальной мастерской СД, где изготавливались фальшивые английские деньги.

С осени 1942 г. Науйокс служил в Бельгии, затем – в Дании. Его задача заключалась в ликвидации лидеров движения Сопротивления в этих оккупированных странах.

В октябре 1944 г. Науйокс сдался в плен американцам. Спустя два года он сумел сбежать, но был пойман и отправлен в Данию, где отсидел в тюрьме три года.

Умер Науйокс в 1966 г. Есть свидетельства, что в 50-е гг. он активно занимался переправкой бывших нацистов в Латинскую Америку.

Ближе к окончанию войны в плену у американцев оказался генерал Р. Гелен – первое лицо отдела Абвера «Иностранные армии – Восток». По прошествии двадцати пяти лет, занимая пост главы разведки ФРГ, Р. Гелен рассекретил часть архивных документов. Из них стало известно об агентурной сети «Макс», созданной Абвером в СССР в 1939-м. Её координировал Фриц Каудерс. Полный состав участников этой сети неизвестен, но в архивах сохранилась информация об экс-сотруднике Секретариата ЦК ВКП(б) с фамилией Минишкий. Есть также данные о том, что по окончании войны агентура «Макс» была переброшена в США, чтобы поделиться опытом с ЦРУ.

Начав службу в войсках советского Западного фронта в должности политработника, Минишкий осенью 1941-го оказался в плену врага и сразу согласился работать на противника в обмен на обещание вывезти его самого и его семейство на запад с предоставлением официального гражданства. Летом 1942-го немцы инсценировали его побег. Затем переправили предателя через линию фронта. Позже он связался с действующими агентами Абвера, приступил к передаче в Германию секретной информации. Наиболее значимым считается его донесение о совете, который прошёл 13.07.1942 в Москве. Тема – стратегия советских войск. На совещании Шапошников уточнил, что отступление будет до Волги, рассказал о планах эвакуации всей промышленности в Сибирь, на Урал. Заявил, что зимовать немцы будут вынуждены в этом районе. Это донесение легло в основу доклада Гелена, подготовленного для генерала Гальдера – начальника Генштаба.

В данной истории эксперты усматривают ряд нестыковок. К примеру, лица, которым чудом довелось вырваться из немецкого плена, подвергались тщательнейшей проверке органами СМЕРШ. Если в плену политработника не расстреляли, для проверяющих он автоматически получал статус шпиона. Следующая странность: упомянутый маршал Шапошников в тот период уже не являлся начальником Генштаба. Дальнейшие известия о Минишкее таковы: в октябре 1942 года немцы подготовили его обратный переход через линию фронта. До мая 1945-го он отвечал за анализ информации в отделе генерала Гелена, а по окончании войны занимался преподавательской деятельностью в разведшколе ФРГ.

По меньшей мере дважды Абвер получал донесения от некоего лица в Генштабе, касавшиеся военных планов русских. В начале ноября 1942-го агент донёс, что до середины месяца командование планирует ряд наступательных операций, указал предполагаемые районы. Весной 1944 года от этого же агента поступило новое донесение в Абвер. В нём говорилось о двух вариантах развития событий летом 1944-го. Стало известно, что Генштаб намечал удары советских войск по противнику на Волыни и в Прибалтике. Рассматривалась и другая цель: нацистские войска группы «Центр» в Белоруссии.

Неизвестного агента так и не рассекретили, но под подозрение попали военные, работавшие в Германии в Советской военной администрации (СВАГ) в конце 1940-х. В 1950-х в ФРГ под именем «Дмитрий Калинов» был издан труд якобы советского полковника «Слово имеют

советские маршалы». В предисловии было указано, что представленные сведения основываются на архивных документах советского Генштаба. Позже выяснилось, что авторами являлись Г. Беседовский, бежавший из СССР в 1929 г., и К. Померанцев. Не исключено, что настоящий агент Абвера и после победы продолжал «трудиться» в советском Генштабе, передавая своим заокеанским патронам самые важные стратегические секреты.

Вальтер Фридрих Шелленберг родился в 1910 году в Саарбрюккене на границе с Францией в семье фабриканта роялей Гвидо Шелленберга, где кроме него было ещё как минимум шестеро детей.

В 1923 году его родители, из-за войны оказавшись в стеснённом материальном положении, переселились в Люксембург, где находился филиал фабрики отца.

В 1929 году Вальтер приступил к занятиям в Боннском университете. После некоторых колебаний выбрал медицинский факультет, но затем, по настоянию отца, склонного к экономическим и гуманитарным наукам, перевёлся на юридический факультет. Обучение окончил в 1933 году. Во время учёбы один из преподавателей уговорил его вступить в НСДАП (билет № 4504508) и СС (билет № 124817), объяснив, что это откроет ему новые возможности в карьере. Доклады Шелленберга на тему развития германского законодательства привлекли внимание Рейнхарда Гейдриха, который предложил ему работу в своём ведомстве.

Шелленбергу также удалось войти в доверие к Гиммлеру. Однажды Шелленберг спас ему жизнь, схватив за пальто, когда тот во время полёта неосторожно прислонился к незапертой двери самолёта.

В мае 1938 года вступает в брак с Кэти Кортесамп, которую ему сватал начальник кадрового отдела Главного управления СД (SD-Hauptamt) Вильгельм Альберт. Однако вскоре этот брак распался, и в октябре 1940 года Вальтер Шелленберг женится вторично, на Ирене Гроссе-Шёнепаук. В этом браке у них родились пятеро детей.

С именем Шелленберга связаны все крупнейшие разведывательные операции нацистской Германии.

В 1938 году по поручению Гейдриха Шелленберг разработал проект реформирования полицейского аппарата рейха. Однако он был отклонён Гиммлером, опасавшимся конфликта по этому вопросу с Гессом.

По признанию Шелленберга, бывший белогвардейский генерал Скоблин передал начальнику разведбюро при германском МИДе Курту Янке и Гейдриху основу для «документов» о возможном союзе генералитетов вермахта и РККА, а также о «заговоре» против Сталина, что впоследствии послужило основанием для «процесса Тухачевского». Шелленберг участвовал в передаче этих документов в Москву:

«...мы так и поступили, и названный русский моментально вылетел в Москву и возвратился в сопровождении личного посланника Сталина, предъявившего специальные полномочия от имени Ежова. Сталин запрашивал, в какую сумму мы оцениваем собранный материал. Ни Гитлер, ни Гейдрих не помышляли о финансовой стороне дела. Однако, не подав виду, Гейдрих запросил три миллиона рублей золотом, которые эmissар Сталина выплатил сразу после самого беглого просмотра документов».

В сентябре 1939 года в ходе Польской кампании Шелленберг служил офицером для поручений при рейхсфюрере СС.

Осенью 1939 года он провёл операцию, получившую впоследствии название «Инцидент в Венло», по вскрытию методов работы секретных служб Великобритании, их взаимодействия со спецслужбами Нидерландов, связей с оппозицией в Германии. Он похитил двух британских агентов в голландском городе Венло. Операция сделала почти бесполезной большую часть бри-

танской шпионской сети в Западной и Центральной Европе. Это привело к отставке главы голландской разведки и дало Гитлеру повод для нападения на Нидерланды в мае 1940 года. За успешное проведение операции Гитлер лично наградил Шелленберга Железным крестом I степени и пригласил на званый ужин в рейхсканцелярию.

С 1 ноября 1939 по 1 июля 1941 года, в звании штурмбаннфюрера СС и правительственного советника, возглавлял отдел Е (контрразведка) в IV управлении РСХА (гестапо). Его непосредственным начальником был Мюллер, с которым у Шелленберга отношения не сложились. 2 июля 1941 года Шелленберг был переведён в VI управление РСХА (внешняя разведка) и занял пост заместителя начальника управления, фактически же возглавил работу управления. 24 февраля 1943 года был утверждён в должности начальника VI управления.

С осени 1941 года Шелленберг участвовал в разработке планов заключения сепаратного мира с западными союзниками. Ему было известно о контактах американского банкира Сталфорта с Ульрихом фон Хасселем, которому он сообщил, что президент Рузвельт готов протянуть руку немцам при условии физического устранения Гитлера. В августе 1942 года Шелленберг сообщил о планах Гиммлеру. Тот сначала рассердился, но потом, успокоившись, поручил Шелленбергу продолжить работу в данном направлении. Получив «добро» от Гиммлера, Шелленберг начал через посредников налаживать контакты с американской стороной, а также разрабатывать способы устранения Риббентропа. Наиболее успешным посредником Шелленберга стал принц Макс Эгон Гогенлоэ, который сам искал пути к сепаратному миру. Он также являлся доверенным лицом СД. Гогенлоэ вступил в контакт с человеком, имевшим связи с американцами в Лиссабоне (в документах СД он значился как Альфонсо). Одним из условий, выдвинутых американской стороной, была передача Гитлера в руки союзников живым; в противном случае становилась невозможной его десакрализация. В ноябре 1942 года Гогенлоэ удалось установить контакт с руководителем американских секретных служб в Европе Алленом Даллесом.

Шелленберг также организовал интригу против министра иностранных дел Риббентропа. Ему удалось создать в министерстве группировку во главе со статс-секретарём бригадефюрером СА Мартином Лютером. Однако из-за нерешительности Гиммлера время было упущено, Риббентроп узнал о существовании группировки, её члены, включая Лютера, были арестованы и отправлены в концлагеря.

Переговоры же с Даллесом провалились из-за сопротивления британской стороны. Тогда Шелленберг расширил круг потенциальных переговорщиков, начав искать контакты с представителями нейтральных стран.

Шелленберг принимал активное участие в ликвидации советской разведывательной сети «Красная тройка» – части «Красной капеллы» на территории Швейцарии, которой руководил Шандор Радо (псевдонимы – Дора, Альберт). Ему удалось наладить контакты с начальником швейцарской секретной службы бригадным полковником Роже Массоном. Германия поставила швейцарской полиции пеленгаторы ближнего действия. Однако уже шёл 1943 год, а швейцарцы не «спешили» выполнить свои обещания по ликвидации «Красной тройки».

Чтобы «припугнуть» «нейтралов», был издан «бумажный приказ» о переброске в Швейцарию горнострелкового корпуса под командованием генерала Дитля. На самом деле к границам Швейцарии была на время перемещена только часть штаба генерала Дитля и проведена имитация передвижения воинских соединений к границам Конфедерации, только после этого швейцарская полиция вынуждена была принять активные действия, и «Красная тройка» к концу 1943 года фактически перестала существовать.

В феврале 1944 года Абвер был расформирован и часть его подразделений 1 августа 1944 года перешла под контроль Шелленберга в составе Военного управления РСХА.

21 июня 1944 Шелленберг был удостоен звания бригадефюрер – генерал-майор.

В конце войны, когда крах нацистской Германии стал неизбежным, по заданию Гиммлера Шелленберг вступил в контакт с западными организациями.

После самоубийства Гитлера Шелленберг прибыл вместе с Гиммлером во Фленсбург, где находилось новое правительство во главе с гросс-адмиралом К. Дёницем (Гиммлер планировал назначить Шелленберга помощником министра иностранных дел).

3 мая 1945 года Шелленберг прибыл в Копенгаген для ведения переговоров о мире при посредничестве графа Фольке Бернадота (граф Висборгский), а 6 мая вылетел в Стокгольм, имея официальные полномочия на заключение перемирия в Скандинавии. Однако английское командование отклонило посредничество шведского Красного Креста, и последняя миссия Шелленберга провалилась.

После капитуляции Германии Шелленберг некоторое время жил на вилле Бернадота в Швеции. Однако уже в июне 1945 года был выдан как военный преступник. В качестве обвиняемого привлечён к суду Международного военного трибунала в Нюрнберге по делу Вильгельм-штрассе. В ходе судебного разбирательства с него были сняты все обвинения, кроме членства в преступных организациях. 11 апреля 1949 года приговорён к шести годам тюремного заключения.

После окончания войны Шелленберг допрашивался группой британских «охотников на шпионов» (Хью Тревор-Ропер, Хеленус Патрик Милмо, Клоп Устинов, Стюарт Хэмпшир, Рой Кэмерон), которые дали ему следующую характеристику:

По общей оценке, подлый человек без понятий о верности и правилах приличий, доверять ему нельзя ни в коем случае. Виртуозный актёр. Умеет использовать своё обаяние, и когда пускает его в ход, то создаётся совершенно правдоподобная иллюзия, будто говоришь с приятным, безобидным и довольно оригинальным молодым человеком... Глубоко заглядывает в глаза собеседнику, словно пытаюсь убедить его: «Посмотри, я говорю с тобой искренне, от всего сердца». На самом же деле Шелленберг – хладнокровный, всегда расчётливый реалист, ничего не оставляет на волю случая. Находясь в невыгодной ситуации, умеет создать нужное ему впечатление. Шелленберг знает, чего хочет и как этого достичь, если надо – пойдёт по трупам. Для него слова «дружба» и «верность» не имеют значения, не ждёт он этого и от других... При всех своих разнообразных талантах и наглой самоуверенности Шелленберг страдает комплексом неполноценности в тяжёлой форме.

В декабре 1950 года по состоянию здоровья досрочно освобождён. Жил в Швейцарии, а затем был вынужден переехать в Италию. К концу жизни тяжело болел. Умер в возрасте 42 лет в Турине, в клинике Форнака, где готовился к операции на печени.

Легендарный британский дешифровальный центр в годы Второй мировой войны сыграл важную роль, но меньшую, чем принято думать, утверждает канадский историк Джон Феррис. Его книга «За кулисами „Энигмы“» основана на рассекреченных документах Центра правительственной связи Соединённого Королевства.

«Блетчли-парк не выигрывал войну, как привыкли считать многие британцы, – заявил Би-би-си Феррис, профессор университета Калгари. – Разведка не может победить сама по себе».

Существующий доныне Центр правительственной связи был создан 1 ноября 1919 года. Тогда он назывался Правительственной школой кодов и шифров.

Во время Второй мировой войны организация переместилась в загородный особняк в Блетчли-парк, графство Букингемшир, и занималась, помимо прочего, радиоперехватом и расшифровкой секретных кодов нацистской Германии.

Самым известным её достижением является раскрытие принципа работы немецкой шифровальной машины «Энигма», что позволило заранее узнавать планы противника.

В официальной истории британской разведки говорится, что взлом «Энигмы» приблизил победу как минимум на два года и что без него исход войны вообще был бы непредсказуем.

Истории с «Энигмой» посвящены целых три художественных фильма.

Капитальная работа Джона Ферриса посвящена не только Второй мировой войне, но всей истории Центра правительственной связи [Government Communications Headquarters, или GCHQ].

«Центр правительственной связи – это обращённая лицом к гражданам организация в сфере разведки и безопасности, всемирно известный бренд с общепризнанной репутацией. Мы обязаны этим нашим предшественникам, – написал в предисловии к ней директор спецслужбы Джереми Флеминг. Но в то же время нужно ясно понимать, что можно, а чего в принципе нельзя получить от разведки», – добавил он.

По словам Джона Ферриса, руководство спецслужбы десятилетиями сознательно создавало и поддерживало в обществе «культ Блетчли», чему способствовала окружающая её секретность.

В то же время Феррису предоставили широкий доступ к документам и не мешали делать собственные выводы. Некоторые ограничения касались только технических подробностей дешифровки и перехвата иностранных дипломатических депеш в современную эпоху.

Во взломе советских кодов в период «холодной войны» GCHQ не добился таких знаковых успехов, как в случае с «Энигмой», хотя и добыл много полезной информации военного характера.

«Энигма» (по-древнегречески «загадка») – название основанных на общем принципе компактных электромеханических роторных машин для шифрования, представляющих собой целую эпоху в истории криптографии.

В 1920–1940 годах их было выпущено около 100 тыс. Они широко применялись во многих странах, в том числе в коммерческих целях.

В 1932 году четверо польских криптоаналитиков во главе с Марианом Раевским вычислили ключ к германским армейским «Энигмам». Узнав об этом, немцы в 1938 году создали усовершенствованную машину, с которой и пришлось бороться экспертам из Блетчли-парк.

В начале мировой войны Берлин опережал Лондон в части как защиты собственных, так и расшифровки чужих данных. Но уже к августу 1940 года британцы ликвидировали отставание.

Операция по взлому «Энигмы» носила кодовое название «Ультра» и держалась в секрете до начала 1970-х годов.

В команду набрали талантливых аналитиков, в том числе шахматистов, чемпионов по разгадыванию кроссвордов и специалистов по древнеегипетским иероглифам.

Больше всех отличился молодой математик **Алан Тьюринг**, предложивший противопоставить немецкому шифровальному устройству его собственную машину для дешифровки, получившую название Turing Bombe («Бомба Тьюринга») – фактически протокомпьютер весом в тонну.

В отдельные дни «Бомба Тьюринга» прочитывала до трёх тысяч германских секретных сообщений.

Тьюринг также является, наряду с Оскаром Уайльдом, самой известной жертвой гомофобии среди исторических фигур в Британии.

В 1952 году его обвинили в нетрадиционной сексуальной ориентации, по тем временам являвшейся в Великобритании уголовным преступлением. Спустя два года он покончил с собой, не выдержав травли.

Сейчас Центр находится в Челтнеме в графстве Глостёршир. Но слово «Блетчли-парк» известно в Британии практически каждому и является предметом национальной гордости.

«На сегодня GCHQ является наиболее ценным стратегическим ресурсом Британии и, вероятно, останется таковым на десятилетия, – заявил Би-Би-Си автор книги. – По моему мне-

нию, Британия многое выигрывает, сохраняя эту службу сильной и на мировом уровне. – Но в то же время нужно ясно понимать, что можно, а чего в принципе нельзя получить от разведки», – добавил он.

По словам Джона Ферриса, руководство спецслужбы десятилетиями сознательно создавало и поддерживало в обществе «культ Блетчли», чему способствовала окружающая её секретность.

Особенно велик был его вклад в фолклендскую операцию 1982 года.

«Думаю, Британия не выиграла бы эту кампанию без GCHQ», – заявил Би-Би-Си Феррис.

Благодаря перехвату и расшифровке британские командиры уже через несколько часов узнавали, какие приказы получил противник.

«Им было всегда известно, что аргентинцы собираются делать, где и какими силами», – рассказал Джон Феррис.

Известно, что аргентинская высадка на островах стала неожиданностью для Даунинг-стрит, но, по словам историка, это было скорее ошибкой политиков, а не разведчиков.

Книга повествует также о многолетнем сотрудничестве Центра правительственной связи с Агентством национальной безопасности США и об откровениях на эту тему американского перебежчика Эдварда Сноудена.

В течение десятилетий криптографы Центра правительственной связи Великобритании (более известен по аббревиатуре GCHQ) перехватывали и пытались расшифровать миллионы советских, а затем и российских сообщений. Об успехах и провалах этой самой засекреченной спецслужбы Британии до сих пор знают очень мало.

Но некоторые новые подробности стали известны в конце этого года после выхода в свет официальной летописи ведомства. Би-Би-Си рассказывает о тех из них, что имеют отношение к России и Советскому Союзу.

Одна из глав опубликованной 800-страничной истории Центра правительственной связи Великобритании называется «GCHQ против главного врага». И она целиком посвящена тому, как британские шифровальщики пытались прочесть и просчитать все движения СССР во время холодной войны. По оценке западных специалистов, перехваты GCHQ предоставляли до 90 % разведанных о Советском Союзе.

Британия начала регулярно пытаться перехватывать радиопередачи и телефонные переговоры противников во время Первой мировой войны. Некоторые из ранних методов работы радиоэлектронной разведки теперь могут показаться примитивными и несколько забавными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.